© 2019. О. Л. Фетисенко
г. Санкт-Петербург, Россия

**Четыре Лавры: монастырская тема в художественном,
публицистическом и эпистолярном наследии Кохановской
(Н. С. Соханской)**

Аннотация: В статье анализируются взгляды и убеждения писательницы Надежды Степановны Соханской, работавшей под псевдонимом Кохановская. Автор статьи указывает два направления в творчестве Соханской: увековечение старинных произведений, преданий, а также наблюдение за сиюминутными, современными сценами, в которых в наибольшей степени проявляется национальное самосознание, духовный опыт народа. Центральное внимание в работе уделяется монастырской теме в творчестве Соханской. Автор статьи констатирует, что на раннем этапе писательница почти не затрагивала монастырскую тему, а позднее, в период сближения со славянофилами, осмысления значения веры и Церкви, Соханская не просто чаще начала обращаться к христианским образам, она стала организовывать свою жизнь таким образом, что ключевые вехи ее пути соотносились с посещением монастырей. Анализируя образы четырех Лавр (Киево-Печерской, Троице-Сергиевой, Александро-Невской и Почаевской) в художественных произведениях писательницы, ее публицистике и письмах, автор приходит к выводу о полном отсутствии дидактизма у Соханской, осознавшей особую роль монастырей, оказывающих людям помощь в мирской жизни и приносящих им утверждение в вере. В приложении к статье впервые публикуются ценные отрывки писем Соханской, передающие впечатления писательницы от красоты русских монастырей и прославляющие их.

Ключевые слова: Н. С. Соханская, Кохановская, монастыри, монастырский топос, Лавры, церковная тематика, православие, славянофильство

Информация об авторе: Фетисенко Ольга Леонидовна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, наб. Макарова, д. 4, 199034, г. Санкт-Петербург, Россия

E-mail: betsy98@mail.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 14.10.2019

Дата публикации статьи: 10.12.2019

Для цитирования: Фетисенко О. Л. Четыре Лавры: монастырская тема в художественном, публицистическом и эпистолярном наследии Кохановской (Н. С. Соханской) // Два века русской классики. 2019. Т. 1. № 2. С. 94–109. DOI 10.22455/2686-7494-2019-1-2-94-109

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2019. Olga L. Fetisenko
St. Petersburg, Russia

Four Laurels: a monastic theme in the artistic, journalistic and epistolary heritage of Kokhanovskaya (N. S. Sokhanskaya)

Abstract: The article analyzes the views and beliefs of the writer Nadezhda Stepanovna Sokhanskaya, who worked under the pseudonym Kokhanovskaya. The author of the article points out two directions in the work of Sokhanskaya: the perpetuation of ancient works, traditions, as well as the monitoring of momentary, modern scenes which are most evidently show national identity, spiritual experience of the people. The main attention in the work is given to the monastery theme in the work of Sokhanskaya. The author of the article states that at the early stage the writer almost touched on the monastery theme, and later, during the rapprochement with the Slavophiles, the understanding of the meaning of faith and the Church, Sokhanskaya not only more often began to turn to Christian images, she began to organize her life in such a way that key milestones of her paths were related to visiting monasteries. Analyzing the images of the four Lavra (Kiev-Pechersk, Trinity-Sergius, Alexander Nevsky and Pochaev) in the writer's literary works, her journalism and letters, the author comes to the conclusion that there is a complete lack of didacticism in Sokhanskaya, which realized the special role of monasteries that can help people in secular life and bring affirmation in faith. In the annex to the article for the first time valuable extracts of Sokhanskaya letters are published, conveying the writer's impressions of the beauty of Russian monasteries and glorifying them.

Keywords: N. S. Sokhanskaya, Kokhanovskaya, monasteries, monastic topos, Lavra, church subjects, Orthodoxy, Slavophilism

Information about the author: Olga L. Fetisenko, DSc in Philology, Leading Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, Makarova st. 4, 199034, St. Petersburg, Russia

E-mail: betsy98@mail.ru

Received: October 14, 2019

Published: December 10, 2019

For citation: Fetisenko O. L. Four Laurels: a monastic theme in the artistic, journalistic and epistolary heritage of Kokhanovskaya (N. S. Sokhanskaya). Two centuries of the Russian classics, 2019, vol. 1, № 2, pp. 94–109. (In Russ.) DOI 10.22455/2686-7494-2019-1-2-94-109

Кохановская — литературный псевдоним русской писательницы украинско-польского происхождения, Надежды Степановны Соханской (1823–1884), которым она пользовалась с 1856 г. Родилась она на территории будущей Белгородской губернии, но вся ее жизнь прошла на Слободской Украине: на хуторе Макаровка в Изюмском уезде Харьковской губернии. В Харькове она с шифром кончила курс в Институте благородных девиц. В повестях Кохановской конца 1850-х гг. («После обеда в гостях», «Из провинциальной галереи портретов», «Гайка») славянофилы увидели живой ответ своим чаяниям от литературы: искомое «положительное отношение» к действительности. Кохановская стала сотрудницей «Русской беседы», а затем газеты «День» и последующих изданий И. С. Аксакова. В 1863 г. Аксаков выпустил два тома ее повестей. Незадолго до этого времени литературные критики других направлений, наперебой хвалившие Кохановскую, ослабили ее проповедницей «отживших идеалов», а затем просто утратили к ней интерес.

В творчестве писательницы выделяются два основных направления: увековечение старины с ее преданиями, святынями, песенной традицией и речевой архаикой и, с другой стороны, отклик на текущие события в их «маленьких частностях»¹ [Макаровская, 1854 (а): 448]. Сетуя на отсутствие в России подлинной «литературы фактов», Соханская ставила перед собой при собирании «живых заметок» ту же самую задачу, что и в художественной «археологии», — изучение «родного нашего осязательно-присущего духа» [Макаровская, 1854 (б): 617], и подходила к решению этой задачи как историк национального самосознания. Те же два направления проявились и в обращении к монастырской теме: закрепление в художественном слове старины, например, такого явления как *странничество*², и публицистическое

¹ Выражение из очерка Соханской «Письмо из Малороссии».

² Страница из повести «После обеда в гостях» (1858) «всюду была: в Киеве, и в Почаеве, и у Соловецких угодников была» [Повести Коханов-

освещение современности: возрождение Святогорской обители, непростое положение Почаевской лавры¹.

В повестях Соханской «дославянофильского» периода монастырская и вообще церковная тематика не обнаруживается, хотя Надежда Степановна с детства была религиозна. Положение изменится, когда ее религиозность примет более церковное русло (чего нельзя было сказать об экзальтированном благочестии институтки) и станет теснее связана с монастырями. Посещениями обителей или заочными с ними контактами размечены вехи даже собственно писательской ее жизни: окончив работу над крупным произведением (повестью «Рой-Феодосий Саввич на спокойе») Кохановская едет в ближайший к ее хутору² монастырь (Святогорский, о нем мы скажем дальше), а на гонорар от публикации той же повести заказывает в иконописной мастерской Троице-Сергиевой лавры большой — в размер храмового — образ Неопалимой Купины.

В последующих литературных обращениях к топосу монастыря у Кохановской не было ничего нарочито дидактического. Писательница касается этих реалий ровно настолько, насколько монастырские впе-

ской: Т. 1. С. 46]. В семейной хронике «Старина» (1855–1860) рассказано о том, как принимал «богомольцев родной земли» дед писательницы: «Сложив котомки в его собственной большой горнице, приставив к стенам свои посошки, — кто из них, в ожидании ужина, располагался греться или сушиться у печи, — кто, прикурнув на руку к своему путевому бременю, сладко засыпал при нем; другие, попочетнее, люди бывалые, вступали в разговоры с дедушкой. И было что порассказать иным, которые лет десять и пятнадцать ходили по богомольям: один год в Киев и до Почаева, а другой — в Москву и к Троице-Сергиевой Лавре; были удостоившиеся побывать и у Соловецких угодников» [Старина: 264]. Странников принимала и мать Надежды Степановны. Удивительный рассказ одной из таких паломниц о медведе, чаевничавшем с тремя заночевавшими в архангельских лесах странниками, передан в письме к А. В. Плетневой от 13 марта 1868 г.; Кохановская намеревалась превратить бесхитростное повествование в рассказ для народного чтения. Неизвестно, исполнила ли она свое намерение.

¹ «В местечке, которое облегает монастырь и находится у самых его св. врат, нет ни одной души христианской. <...> у этой лавры, стоящей светилом восстановленного православия лицом к лицу с униатско-латинским Западом, нет ни одного жителя-христианина...» [Кохановская, 1967 (а): 4]. Название статьи дано И. С. Аксаковым.

² 50 верст степной дороги.

чатления были составной частью жизни мирянина: паломничество, желание принести к мощам угодников или чудотворной иконе свои скорби и радости; возможность видеть «чудный новый мир родной подвижнической святости»¹.

Раскаяние в своей гордыне и примирение с мужем героиня-рассказчица в повести «После обеда в гостях» знаменует их общим паломничеством к киевским угодникам. Туда же устремлен странник в повести «Кирила Петров и Настасья Дмитрова» (1861): «...я в Киев иду. Снесу я твой грех великий к великим заступникам и молителям Русской Земли. Мы не умолим с тобой, они умолят по нас» [*Повести Кохановской*, 2: 283]. В той же повести главные герои в трагический период своей жизни приезжают под праздник Покрова в Святогорский монастырь (гл. VI), но их паломничество оказывается неудачным, так как не умягчается окаменевшее сердце Кирилы, убитого известием о невесте-жены.

Четыре лавры было в Российской Империи — Киево-Печерская, Троице-Сергиева, Александро-Невская и (с 1833 г.) Почаевская. Земли Кохановской посещали главным образом Киев и Почаев. Странники доходили и до обители св. Сергия, и до Соловков, заместивших в этой четверице новую и более «официозную» в глазах народа петербургскую святыню². Кохановская бывала во всех четырех лаврах: в Киево-Печерской во время Русско-турецкой войны, в Троице-Сергиевой и Александро-Невской — несколько раз во время приездов в Москву и Петербург, в Почаеве — в 1866 г., а, возможно, и позднее, во время своей второй поездки на Волынь в 1877 г. В названии нашей статьи, однако, сознательно нарушена хронологическая привязка к той эпохе и под четвертой лаврой подразумевается не петербургский монастырь, но обитель, которая получила статус лавры уже в наше время — Святогорский монастырь на меловых горах на берегу Северского Донца³.

¹ Цитата из незавершенного романа «Степная барышня 40-ых годов» [Степная барышня: 9]..

² Кстати, Кохановская интересовалась и Соловками, поэтому придирчиво-внимательно она в 1874 г. отнеслась к очеркам Вас. И. Немировича-Данченко. [Семья Аксаковых: 307–308]

³ Время основания монастыря неизвестно; в начале XVII в. он был разорен, а позднее (в 1787 г.) и упразднен (сохранялся лишь как приходская церковь). Восстановлен в 1844 г. и возрождался при помощи Т. Б. Потемкиной, муж которой владел этими землями. После десятилетий нового

Его, как ближайший к Макаровке, Кохановская посещала чаще других и, естественно, чаще упоминала его в своих текстах (указанная выше глава в повести «Кирила Петров...», «Письма с хутора» и др.).

Эпистолярный писательницы содержит несколько связанных со Святыми Горами эпизодов: о приездах туда Царской семьи и о встречах с имп. Марией Александровной, которой Кохановская была представлена еще в 1862 г. в Петербурге, и с Т. Б. Потемкиной, на чьи средства восстанавливался монастырь, пришедший в XVIII в. в полное запустение; об освящении храмов (в частности об освящении Преображенского храма в 1864 г.), о праздничных службах, о том, например, как Великим четвергом 1864 г. до пяти часов пополудни причащали из нескольких чаш 6500 причастников-паломников. Несомненно, все эти фрагменты заслуживают скорейшей публикации и могут быть полезны в первую очередь самому возрожденному монастырю.

Первое из развернутых художественных описаний Святогорского монастыря обнаружено нами в неопубликованном письме Соханской к ее литературному наставнику П. А. Плетневу от 26 августа 1849 г.¹ В этом эссеистическом фрагменте, начатом по следам только что совершенной поездки, больше говорится о впечатлениях 1844 г., когда Соханская сопровождала помещицу-вдову П. В. Грекову, к сыну которой поступила в гувернантки. К сожалению, фрагмент прерван на подробном описании пейзажа и монастырских руин (Соханская хотела передать, каким был монастырь перед началом его восстановления). В сентябре 1863 г. Соханская напишет Плетневу в Париж о своих новых святогорских впечатлениях. Она хочет всех своих друзей приобщить к дорогой южнорусской святыне, чтобы они тоже хотя бы по изобраз-

разорения обитель была открыта в 1992 г., а в 2004 г. получила статус лавры (Святогорская Успенская лавра).

¹ ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 3. Ед. хр. 621. Л. 42–43 об. Есть, правда, и более раннее упоминание: в письме к тому же лицу от 10 мая 1848 г. Соханская сообщала о том, что ее семья собирается в паломничество и восклицала: «...уже более года, как я не была в Святых Горах — чудесное место! Как хороша эта церковка, как бы приклеенная к горам! Беленькая; вверху сосновый лес; весь скат горы покрыт черным лесом, кустарники нависли; внизу Донец; луговая сторона как бархат стелется и по нем, точно рассаженные, страшные дубищи; на каждом — думается — сидит Соловей-разбойник: право, моих охватов пять будет и такие живописные эти дубы — широкие, раскидистые.

жениям знали «Святогорскую скалу и эту меловую церковь на скале в красоте и зелени соснового леса»¹.

Киево-Печерская лавра воспета в первой главе романа «Степная барышня сороковых годов»² и в очерках «Поездка на Воынь» (1867):

«...на верхах гор, другими золотыми верхами, вознесся и соорудился Киев, в своем Днепровском Иордане окрестил славянские племена в православную Русь, и с летописных времен стал он и до днесь устоял почти тысячелетним памятником давней нашей великокняжеской славы, монгольских и польских бедствий и просиял святынею на весь Русский мир. Киев на своей Печерской горе, *онебесившийся*, как поет церковная песнь, *идеже светозарные звезды, преподобные отцы, молитвенные лучи к Богу Свету о отечестве своем простирающие*³ по ту сторону Днепра, — Киев оттуда всем своим лицом, всем сиянием Киево-Печерской лавры и судьбами своей истории обращен сюда, на эту сторону. Он достойно народному величию запечатывает грань отдела южно-русской земли и приурочивает Малороссии святой крещальный Днепр» [Кохановская, 1867 (в): 2].

Почаевская лавра (с ней Кохановская познакомилась, когда стала «сестрой»-вкладчицей одного из беднейших православных братств на Воыни — Георгиевского Яполотского), «наша последняя православная святыня на рубеже австрийской и униатской Галиции» [Кохановская, 1867 (а): 4], стала предметом ее внимания как публицистки во второй

¹ Цитата из письма к А. В. Плетневой от 11 мая 1864 г. ИРЛИ. Оп. 4. Ед. хр. 163. Л. 14 об. Речь идет о приобретенном для А. Ф. Тютчевой образе св. Николая Чудотворца на финифти, на обратной стороне которого было изображение монастыря (один из его храмов был посвящен Мирликийскому чудотворцу). Гравюру со святогорским видом Соханская послала В. С. Аксаковой, но подарок не застал ту в живых. [Семья Аксаковых: 226].

² «Эти пещеры, эта нить таинственных ходов внутри земли с затворами и самовольными заклепами; эти показывающиеся воображению неисчислимыя мощи Святых, благоухающие целостью нетления! — богослужение, в котором земное величие святыни преобразилось небесною славою в хорале торжественного, неисповедимого напева голосов, то гремящих какими-то перекатными громами звука архангельского, то смиряющихся до нежности святого сладостного пения, заливающего душу умилением!..» [Макаровская, 1885: 9].

³ Цитируется молитва преп. Антонию и Феодосию и прочим Печерским чудотворцам (из службы им в неделю 2-ю Великого поста).

половине 1860-х гг., причем главным образом в связи с этноконфессиональными вопросами. Надежда Степановна оказалась вовлеченной в почти детективную историю некоей Кейлагильды Мельцер: священник отказывал той в крещении, опасаясь мщения иудейской общины; девушка и ее жених (поляк-католик) обратились за помощью к приезжей, приняв ее за знатную госпожу. Через год на страницах аксаковской газеты Кохановская будет выступать против такого положения дел в государстве, когда «еврею, магометанину (не говоря уже о христианских исповеданиях) — всем дозволяется быть ревнителями по вере своих отцов, и только в отношении нас самих, православных, это называется поповским фанатизмом и узким квасным патриотизмом» [Кохановская, 1867 (6): 4].

В личной же судьбе писательницы всё большую роль начинала играть Троице-Сергиева лавра. Здесь в 1862 г. она нашла духовного отца («отца Николая из сельских священников»¹) и еще одного дивного старца, имя которого она не называет в письмах, ласково встречавшего ее словами: «сладкое чадо»²; сюда она приезжала говеть и позднее. Попрощалась с Лаврой Надежда Степановна в свой последний приезд в Москву в 1883 г., когда она уже знала о своей неизлечимой онкологической болезни. На основную болезнь наложилась еще и «подхваченный» в Москве тиф. Едва оправившись от него, к удивлению друзей, она поехала в монастырь и вернулась из Сергиева Посада укрепленная на дорогу домой, на Украину, куда приехала к Рождеству.

У себя на хуторе Надежда Степановна хранила многие памятки «от св. Сергия», последней из них стала подаренная А. Ф. Аксаковой на прощанье в декабре 1883 г. икона Преподобного. Дочь Ф. И. Тютчева еще до замужества, в бытность фрейлиной и воспитательницей младших царских детей, получила эту икону от императрицы Марии Александровны после лаврского говения великого князя Сергия Александровича, будущего генерал-губернатора Москвы.

¹ Письмо к А. В. Плетневой от 29 августа 1862 г. (ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 4. Ед. хр. 162. Л. 75 об.).

² Слова этого старца, сказанные ей и сопровождавшей ее крестьянке Лукии, она помнила и через 21 год: «Чада мои милые! чада мои сладкие! вот и хорошо вам, госпоже и служанке! И держитесь так-то дружка за дружку...» (приводятся в письме к А. В. Плетневой от 15–24 сентября 1883 г. перед последней поездкой в Москву. (ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 4. Ед. хр. 164. Л. 102).

Приложение

І. О Святогорском монастыре

Письмо Н. С. Соханской к П. А. Плетневу

26 августа 1849 г.¹

<...>

Я буду говорить о Святых Горах. —

Вот что сказал о них сладкоглаголивый Иннокентий² именно на обеде у Марьи Ивановны³, возвращаясь с обновления Святогорского монастыря. «Я изъездил Европейскую Россию, могу сказать, вдоль и впоперек <так>, но живописнее места Святых Гор не встречал». — Правый берег нашего Донца чрезвычайно горист, очень живописен видами и самым цветом своих подгорных холмов и утесов. Снежный мел и глина всевозможных красок почти в радужных переливах одевают взгорья. Не говоря уже о серой и обыкновенной желтой, есть глина совершенно палевая — зеленоватая, синяя с светлыми отливами; я видела огромную покатость холма чисто красную, просто пурпуровую и по ней купами разбросаны кустарники: дуб вместе и дикая груша, яблонка и дикая роза в цветах. Не говорите, что у нас нет своей Италии; она есть, да только «несть пророк без чести, токмо во отечестве своем»⁴. Святые Горы над самым Донцом, через который идет плавающий мост. Собственно, это не горы, а букет меловых утесов, чудной рукою Создателя приколонный к груди всегда зеленых, крутых гор. Эту всегдашнюю зелень составляет неизмеримое протяжение бора, сливающегося по покатостям в чащу орешника, боярышника — всего царства хвойных лесков и перекинувшееся по ту сторону реки, на заливные луга, огромным, вековечным лесом таких дубов, что в одном из

¹ Автограф: ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 3. Ед. хр. 621. Л. 42–43 об.

² Иннокентий (в миру Иван Алексеевич Борисов; 1800–1857) — епископ Харьковский и Ахтырский (с 1841), архиепископ Херсонский и Таврический (с 1848), богослов, духовный писатель, проповедник; канонизирован в 1997 г.

³ Мария Ивановна Шидловская (урожд. Капустянская; 1767–1855) — богатая помещица, вдова изюмского уездного предводителя дворянства (1783–1786, 1801–1804) Николая Романовича Шидловского (кон. 1750-х — нач. 1760-х — 1820). О роли М. И. Шидловской в жизни Соханской, о «гощениях» в ее имении Кунье подробно рассказано в автобиографии писательницы.

⁴ Мф. 13: 48.

них несколько выгнило дупло и наш рослый мужичек во всей одежде своих шуб и полушубков прячется в нем, как в театральном шкафе. Горы эти и их леса полны преданий о харцызях (это туземные разбойники), о закопанных ими кладах, о пещерах, где были притоны их; где находят старое железо и серебряные кованые околыши их высоких запорожских шапок. По протяженью этих лесов и теперь водятся куницы и дикие козы; в заливах Донца есть выдры и еще так недавно — как трудно этому поверить! — что еще не поумерли те люди, которые травили здесь медведей.

Но, чтобы подробно говорить о Святых Горах, дайте я вам расскажу, как я их увидела в первый раз, когда ехала с Грековой¹. Вы тем более должны мне это позволить, что мой рассказ уже одно предание. Как я видела тогда Святые Горы, так их уже никто более не увидит; никому они не вспомнятся в таких глубоких картинах мира и уединенной святости, обвеваемые грустной поэзией чувства, как колыханьем своих наивысших сосен.

Откуда бы ни ехать в Святые Горы, но миновать дороги семи, восьми и до пятнадцати верст бором нельзя. Мы ехали 9 августа. Пошел проливной дождь, совсем смерклось, когда мы почти ощупью добрались до Татьяновки², небольшого селения в одну линию, лицом прямо к Святым Горам, которое находится на луговой стороне у подлесья, оставляя между собою и монастырем то пространство, которое захватывается Донцом во время весеннего разлива. Это селенье есть преддверие Святых Гор. Прежде далее его и не ездили; все останавливались здесь и отправлялись к монастырю пешком или в экипаже у Донца; но в самый монастырь въехать было нельзя: прямо против моста на крутом берегу, как на обрыве, стояла святая брама, обходили ветхие, каменные стены монастыря и между ими и рекой было так мало пространства, что могла проехать одна телега, а повернуться с экипажем было невозможно. Хотя Святые Горы были простым приходским местом; но усердие к ним богомольцев сделало то, что в упраздненном монастыре каждый день совершалось служение. Удар колокола к заутрени разбудил меня. Мы поехали

¹ Пелагея Васильевна Грекова — помещица Бахмутского уезда, вдова хорунжего А. С. Грекова.

² *Татьяновка* — имение Александра Михайловича Потемкина (1787–1872), названное в честь его жены, статс-дамы Татьяны Борисовны Потемкиной (урожд. кнж. Голицыной; 1797, по др. свед. 1801–1869).

при фонарях; как вчера, так и теперь от туч было чрезвычайно темно, и я напрасно силилась рассмотреть хотя что-нибудь: кроме какого-то беловатого пятна на ужасной громаде темноты и леса, я ничего не видела. Блестели свечки кое-где в церкви (день был простой, не праздничный); от сырости, что ли? воздуха уныло звучал колокол; мы взошли под арку святой брамы, вступили в самый монастырь, за его ограду, не встречая никаких ворот и никакого затвора; только моему воображению мечталось, что как бы заснувшим сторожем, между церковью и брамою, стоял огромный, дебелий дуб; у него были густые ветви и он, как клобук, угрюмо надвинул их. Тогда только еще прорывался слух, что монастырь возобновится; живым представлением этого слуха был кто-то такой в монашеской ряске, с длинными волосами — задумчивый, подпоясан узеньким ремнем; он стоял среди церкви и, по-монашески, протяжно и с возгласами читал псалмы. Церковь эта была соборною во времена древнего монастыря; она во имя Успения Божией Матери; очень не велика, каменная; построение ее относят к 1698 г. — простая церковь с иконостасом к самому верху и с вызолоченными серебряными венцами на наместных иконах. Явленная икона чудотворца Николая лежит здесь на налое; отсюда, при акафистном пении, ее носят в верхнюю церковь; нечего и говорить, что эта икона в дорогой серебряной, жарко позолоченной ризе. Любопытно, каким образом, наши поселенцы, волохи¹ и сербы приносят свои посильные вклады: они прикладываются к иконе и прилепливают вощечком к ее киоту и стеклу киота, что дает их усердная щедродательность — и икона является усеянною звездочками разнокалиберной серебряной монеты.

Но я с нетерпением ожидала, когда начнется молебен, чтобы идти вверх, к церкви Святителя Николая из мела, выделанной в скале. Я боялась, что пойдут пещерами и я утеряю прекрасные виды с горы; но пещеры в некоторых местах обвалились; священник отказался после утрени служить молебен: что в гору идти скользко; мы приглашены были к нему в дом до обедни. Мне не сиделось; я кое-как укралась от заботливого внимания Грековой, избавилась от последования лакеев и вот что я увидела — я не сумею пересказать вам хорошо.

Сияло раннее утро; несмотря на весь его блеск и еще усиленный биллионами капель перешедшего дождя, в нем уже чувствовалось что-то

¹ *Волохи* (влахи) — одно из восточно-романских племен; в России так чаще всего называли молдаван.

тихое и задумчивое — приближение осени. Беззвучными струями текла река; высокие горы, все в лесу, в соснах как в стоячей щетине, уступом отделились от берега и в этом уступе, завернувшись в мантию зелени, приютились монастырь и когда подумаешь, что он уже был здесь, когда еще у нас были Князья и они воевали с половцами! Поэт-живописец не расстался бы с этим местом самого восхитительного запустения. Каменные стены монастыря, вероятно от лет и непогод сделавшиеся такими низенькими, что корова протянула через них голову и обглаживает молодые ветки, эти стены в свое время составляли правильный четверугольник; сколько можно судить, по углам их стояли круглые башенки: двух башенок с задней стороны уже почти нет, только виднеются груды щебня; но одна наперед еще стоит бодро, как пирамидальным купольцом; из-под странного колпака выдирается на свет сосенка и как она молода и зелена на развалине! ее обогнал хмель, обертелся в тысячи изгибах, зацепился за ржавый гвоздь, повис и падает кистями. Растительность ринулась в забытый монастырь; кусты бузины, калины; стоит кудрявая яблонка; задняя стена выросла в гору; орешник с плодами...

Письмо к А. В. Плетневой
11–12 мая 1864 г.¹

<...>

Из Старобельска я с своими кумами² проехала в Святые Горы. Именно там, в обители Божией Матери, мне хотелось поблагодарить Ее и через Нее Господа, у Которого вся наша мудрость человеческая и красота и сила и истина наших художественных дел — поблагодарить за дело моего «Роя»³. И я поблагодарила по завету псаломскому. «Что

¹ Автограф: ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 4. Ед. хр. 163. Л. 13–14 об.

² Речь идет о подруге Соханской, Надежде Дмитриевне Шамониной (урожд. Башкирцевой; 1830–1908), тетке художницы М. Башкирцевой. Муж Шамониной Николай Иванович (1824–1887) служил по ведомству Министерства внутренних дел. Их сын Владимир (1860–1909) был крестником Соханской, а старшая дочь Надежда (1861–1928, впоследствии — жена историка акад. С. Ф. Платонова), возможно, и названная в знак дружбы ее родителей с писательницей, стала ее биографом [Платонова].

³ Повод к благодарению — завершение работы над повестью «Рой-Феодосий Саввич на спокое», задуманной еще в 1861 г.

воздам Господеви о всех яже воздаде ми? Чашу спасения приму и имя Господне призову. Молитвы моя воздам пред боящимся Его — посреди церкви велицей...»¹. И именно, Сашенька, какая великая церковь братьев наших, поклоняющихся Господу на святом месте Земного храма Его, была и поклонялась со мною! Ты писала, что у отца Агапита на второй недели поста было 700 причастников. Это очень много и слава Богу! Но представь же, что в Святых Горах на Страстной Неделе было столько поклонников, что ни церкви, ни собственно монастырь не вмещали их, а народ стеною стоял на берегу Донца и в Чистый Четверг приобщающихся было 6500 чел<овек>! Так называемое «Правило», т. е. молитвы ко Св. Причащению, читали в нескольких местах на дворе монастырском, потому что чтение собственно в церквях не могло быть слышимо большей части народа. Сколько нашлось сосудов в монастыре, изо всех приобщали народ и могли приобщить его только к 5-ти часам полудни! В простоте своего слова прекрасно мне сказал монах, говоря об этом. «Это уже дело Божие. Вера их, людей-то, матушка; а человечески — что тут поделаешь?» Именно, что поделаешь — как человечески удовлетворишь по всем определенным правилам и уложениям духовную жажду сонма верующих, приступивших к Богу такою тысячною, народную, всерусскою толпою! Один Богочеловек, напитавший некогда пять тысяч пятью хлебами, — и эти 6 тысяч напитал, как Сам знал своим Пречистым Телом и в жажде их напоил Своей Кровию.

<...> Анна Федоровна молчит <...> она мне прислала «Последние дни И<исуса> Христа»², и я, бывши в Св. Горах так желала в свою очередь что-нибудь послать ей и нашла прекрасный на финифте образ Св. Николая явленного там, а на оборотной стороне Святогорскую скалу и эту меловую церковь на скале в красоте и зелени соснового

¹ Соединение точной и свободно контаминируемых цитат: Пс. 115: 3–5, 10; 21: 26; 39: 10.

² Ср. в письме к А. В. Плетневой от 16 апреля 1864 г. (Великий четверг): «К Тютчевой я не писала 4 месяца, а она мне на днях прислала давно желанную книгу Пр<еосвященного> Иннокентия «Последние дни жизни И<исуса> Христа» (ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 4. Ед. хр. 163. Л. 12). Подарок А. Ф. Тютчевой (в замуж. Аксаковой; 1829–1889) — книга архиеп. Иннокентия Херсонского «Последние дни земной жизни Господа нашего Иисуса Христа, изображенные по сказанию всех четырех Евангелистов», впервые изданная в Одессе в 1857 г. в 5 частях) — был приурочен к Пасхе. По-видимому, было послано 2-е издание, вышедшее в Одессе в 1860 г.

леса. И моя дорогая Сашенька! Как мне хотелось и тебе дать какой-нибудь вещественных знак того, что я радовалась в Св. Горах, благодаря Бога и Матерь Божию за своего Роя, и поминала в молитве и всех вас, и тебя мою несравненную, далекую милую и милую.

II. Говения в Троице-Сергиевой лавре

Из писем к А. В. Плетневой

29 августа 1862 г.¹

Вот, моя Сашенька дорогая! ваша Ната² не только в Москве, а уже третий день в Троицко-Сергиевой Лавре и вот уже поговела, и вот уже приобщилась — и как всё мне хорошо само собою слагается — осмелюсь сказать: милостию Божией дается. Думая о духовнике и не зная к кому обратиться за советом, я вижу бредущего именно старца с чуть передвигаемыми отеками от стояния ногами, но с славной атлетической головою, густо покрытой мало того совершенно белыми, а даже позеленелыми волосами. Я подхожу к нему прямо и говорю: вот так и так, батюшка, кого вы мне можете указать в духовники? Я прошу Вашего совета... И, Сашенька моя милая, представьте себе раннее утро, широкие ступени древнего, еще отворенного храма, какие-то удивительно странные выпуклые и с перехватами колонны в скульптурных цветах, Ангелов в простенках, свежую зелень наклонившихся ветвей и услышите эти слова простоты и святой сердечности патриархальной: «Чадо мое сладкое! духовника тебе? Ну, слышу, слышу...» И я другой день, как музыку, слышу это наименование *сладкого чада*, которое заставляет меня и улыбаться, и умиляться. И вот он привел мне духовника отца Николая из сельских священников, и вот я сегодня, не зная о всей святости великого места, сообщила св. Таин в небольшой церкви Сошествия св. Духа, самой древней и той самой, в которой сходил видимо св. Дух, когда священнодействовал преподобный Сергей и здесь же в глухом приделе почивают мощи великого знаменитого ис-

¹ ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 4. Ед. хр. 162. Л. 75–75 об.

² *Ната* — уменьшительное не от «Надежды», но от «Наталии» (так зовут нескольких героинь Кохановской) — домашнее имя Н. С. Соханской. Различение «Нади» и «Наты» было необходимо, потому что в семье была еще одна Надя, любимая двоюродная сестра писательницы.

правителя книг Максима Грека¹. Он прекрасно живописан на доске его серебряной раки — с пером в руке и с глядящими острыми глубокими глазами.

20 сентября 1862 г.²

А как я прекрасно отпраздновала свой день Ангела! В воскресенье 16 уехала в Троицу и пробыла там светло и радостно в доме Отца Небесного — *приобщилась*, Сашенька! Столько благодати! И так всё неожиданно. Я думала о том и раздумывала: *без говенья* и когда я, приехавши на вечерни, отыщу еще своего духовника: что он скажет на это и позволит ли. Вхожу в Успенский храм, тот мой чудный старик изумленными глазами увидел меня. «Ты ли это, мое чадо сладкое! еще приехала к нам... Умеешь держать свое слово, умеешь, сладкое чадо!..» Я еще смотрю на него, желая насмотреться и нарадоваться духом на старческую красоту его. Не знаю, успела ли я еще ответить ему, как сзади меня называют по имени, я оборачиваюсь и это мой духовник, отец Николай. Я отвожу его в сторону и говорю, что вот я завтра именинница и что мне хотелось бы приобщиться св. Таин, если можно.

— А отчего же нельзя? В день вашего Ангела и прекрасно — можно. Вот вам книжечка, прочитайте правило. Можно, очень можно.

Ах, моя Сашенька! какое богатство святейшей любви сокрыл Господь в своих Таинствах! И я приобщилась в прекраснейшей церкви Пр<епоподобного> Сергия и день был прекраснейший. Пешком с Лукией я ушла в Вифанию³ и шла полем, шла лесом, белые березы серели стволами во мхе, ясноло голубое небо, вода, тоже голубея, мелькала в глазах и в повисших кустах... Велик Господь в Его земном твореньи!

¹ В настоящее время мощи св. Максима Грека перенесены в Трапезный храм Лавры.

² Автограф: ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 4. Ед. хр. 162. Л. 78 об.–79.

³ Имеется в виду Вифанский Спасов монастырь (в настоящее время — один из скитов Троице-Сергиевой лавры), основанный в 1783 г. архиепископом (впоследствии митрополитом) Платоном (Лёвшиным).

Список литературы

- Кохановская <Соханская Н. С.> Еврейская привилегия // Москва. 1867а. 15 июля. № 84. С. 4.
- Кохановская <Соханская Н. С.> К делу об еврейских привилегиях // Москвич. 1867б. 31 дек. № 5. С. 4.
- Кохановская Поездка на Волынь. III // Москва. 1867в. 29 марта. № 70. С. 2. 9.
- Макаровская <Соханская Н. С.> Письмо из Малороссии // Санкт-Петербургские ведомости. 1854а. 27 апр. № 91. С. 448.
- Макаровская <Соханская Н. С.> Степная барышня 40-вых годов // Русь. 1885. 2 февр. № 5. С. 9
- Макаровская <Соханская Н. С.> Еще письмо из Малороссии // Санкт-Петербургские ведомости. 1854б. 8 июня. № 125. С. 617.
- Платонова Н.Н. Кохановская (Н. С. Соханская). 1823–1884. Санкт-Петербург: Сенатская тип., 1909. 234 с.
- Повести Кохановской: в 2 т. М.: тип Бахметева, 1863.
- Семья Аксаковых и Н. С. Соханская (Кохановская): Переписка (1858–1884) / сост., вступ. ст., подгот. текста и коммент. О. Л. Фетисенко. СПб., 2018. С. 307–308.
- Старина // Русское обозрение. 1898. Январь С. 264.

References

- Kokhanovskaia <Sokhanskaia N. S.> *Evreiskaia privilegiia* [Jewish privilege]. Moscow. 1867. July 15. № 84. P. 4. (In Russ.)
- Kokhanovskaia <Sokhanskaia N. S.> *K delu ob evreiskikh privilegiiakh* [Jewish privilege case]. *Moskvich*. 1867. December 31. № 5. P. 4. (In Russ.)
- Kokhanovskaia *Poezdka na Volyn'*. III [A trip to Volyn. III]. Moscow. 1867. March 29. № 70. P. 2, 9 (In Russ.)
- Makarovskaia <Sokhanskaia N. S.> *Pis'mo iz Malorossii* [Letter from Little Russia]. *Sankt-Peterburgskie vedomosti* [Saint Petersburg Vedomosti]. 1854. April 27. № 91. P. 448. (In Russ.)
- Makarovskaia <Sokhanskaia N. S.> *Stepnaia baryshnia 40-vykh godov* [Young lady of the 40s]. *Rus'*. 1885. 2 fevr. № 5. P. 9 (In Russ.)
- Makarovskaia <Sokhanskaia N. S.> *Eshche pis'mo iz Malorossii* [Another letter from Little Russia]. *Sankt-Peterburgskie vedomosti* [Saint Petersburg Vedomosti]. 1854. Jule 8. № 125. P. 617. (In Russ.)
- Platonova N. N. Kokhanovskaia (N. S. Sokhanskaia). 1823–1884. St. Petersburg, *Senatskaia tip*. Publ, 1909. 234 p. (In Russ.)
- Povesti Kokhanovskoi*: v 2 t. [The Story of Kokhanovskaya: in 2 vols]. Moscow, tip Bakhmeteva Publ, 1863. (In Russ.)
- Sem'ia Aksakovykh i N. S. Sokhanskaia (Kokhanovskaia): Perepiska* (1858–1884) [The Aksakov family and N. S. Sokhanskaya (Kokhanovskaya): Correspondence (1858–1884)], sost., vstup. st., podgot. teksta i komment. O. L. Fetisenko [compiled, introductory article, text preparation and commentary. O. L. Fetisenko]. St. Petersburg, 2018. pp. 307–308. (In Russ.)
- Starina. Russkoe obozrenie* [Russian review]. 1898. January. P. 264. (In Russ.)